

Боронникова Наталия Владимировна

СТАТУС ТРОЙНОГО ЧЛЕНА В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются две точки зрения на статус тройного артикля, представленные в македонской грамматической традиции. Согласно первой, пространственные артикли (-ов, -он) - это ослабленные формы указательных местоимений, обладающие всеми функциями демонстративов, собственно артиклевую функцию выполняет только член -от. Согласно второй - в македонском языке представлена уникальная система определенного артикля, в которой основное категориальное значение определенности сочетается с указательным значением. Автор придерживается второй точки зрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 60-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Нарты:** адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. 569 с.
8. **Ногмов Ш.** История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 231 с.
9. **Петросян А.** История народа и его эпос. М.: Наука, 1982. 372 с.
10. **Услап П.** Народные сказания кавказских горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. М.: Адир, 1992. 689 с.
11. **Швецов В.** Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинском и домашнем духе. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 265 с.
12. **Шлегель Ф.** Разговор о поэзии. М.: Наука, 1983. Т. I. 436 с.

EVOLUTIONAL SPECIFICS OF ADYGE FOLKLORIC ARCHETYPES

Borova Asiyat Ruslanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
assbora@mail.ru

The article reveals certain peculiarities of the process of forming esthetic conceptions in Adyge folklore. The paper emphasizes that specificity of social development of the Adygei peoples conditioned the virtual syncretism of the various phased forms of folkloric continuum and reality when even the most archaic images and symbols of an epos are interpreted as the real subjects of a national world. The author attributes the destruction of this monolithic system of vital esthetic conceptions to the crisis and continuous process of decay of the classical military and aristocratic society of Circassian tribes and formation of the modern Adygei peoples.

Key words and phrases: epos; character; ethno-esthetic dominant; epic formula; Adygei folkloric archetypes; ethno-society; cultural marks; suicidal type; national aesthetics.

УДК 811.163.3

Филологические науки

В статье рассматриваются две точки зрения на статус тройного артикля, представленные в македонской грамматической традиции. Согласно первой, пространственные артикли (-ов, -он) – это ослабленные формы указательных местоимений, обладающие всеми функциями демонстративов, собственно артиклевую функцию выполняет только член -от. Согласно второй – в македонском языке представлена уникальная система определенного артикля, в которой основное категориальное значение определенности сочетается с указательным значением. Автор придерживается второй точки зрения.

Ключевые слова и фразы: македонский язык; система указателей; тройной артикль; дейктическая ситуация; функции артикля.

Боронникова Наталия Владимировна, к. филол. н., доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет
natboronnikova@rambler.ru

СТАТУС ТРОЙНОГО ЧЛЕНА В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Система демонстративов современного македонского языка включает три составляющих, противопоставленных по признаку «указание на степень удаленности предмета» от говорящего, а точнее, от говорящего и слушающего как членов коммуникативной диады. Демонстратив с корнем *-в* указывает на предмет, близкий от говорящего, с *-т* – на предмет, находящийся в сфере адресата, с *-н* – на удаленный от говорящего или от адресата референт. Подобная система наблюдается еще в двух балканских ареалах, пограничных с македонской языковой территорией: торлакских диалектах сербского языка и родопских болгарского.

По признаку «степень удаленности» в македонском языке противопоставляются субстантивные и адъективные указательные местоимения, определительные местоимения, определенные артикли, указательные частицы, наречия и др. Ядром системы указателей являются указательные местоимения (*овој, тој, оној*) и восходящие к ним артикли (членные морфемы в южнославянской грамматической традиции: *-ов, -от, -он*). В статье рассматривается проблема грамматического статуса тройного члена в македонском языке.

Определенная членная морфема представляет собой регулярный грамматический показатель известности, идентифицированности референта, обозначенного именем существительным, который присоединяется к флексии имени или первого члена именной группы (ср.: *човек – човеком* „человек – этот человек“, *висок човек – високиот човек* „высокий человек – этот высокий человек“, *висок убав човек – високиот убав човек* „этот высокий красивый человек“ и др.). Форма с артиклем получила наименование членной, или определенной, без артикля – общей, или неопределенной. Второй член семантической оппозиции «определенность / неопределенность» – неопределенность – в македонском языке грамматически не оформлен.

Спецификой македонского определенного артикля является наличие трех показателей, противопоставленных по степени удаленности референта, как в системе указательных местоимений. В отличие от указательного местоимения члены постпозитивны; не являются самостоятельными лексемами – имеют статус морфемы; лишены собственного ударения (ср. *овој човек – човеков*). Частичное совпадение функций членной морфемы и указательного местоимения привело к дискуссии по поводу определения грамматического статуса членных форм в македонском языке.

Специальных исследований, посвященных изучению указательной системы в македонском языке, в отличие, например, от английского [12], нет. Работы, в которых так или иначе затрагивается проблема тройного члена, поднимают следующие вопросы: происхождение артикля; диалектная дифференциация артиклевой системы; статус тройного члена; его функционирование. Так, проблема происхождения определенного члена рассматривается в исследованиях Б. Конеского [9; 10], Б. Видоеского [5] и др. Ареалы распространения трехчленной и одночленной артиклевых систем в македонских диалектах описываются в трудах Б. Видоеского [Там же]. Вопрос о статусе тройного члена в македонском языке поднимают Б. Конеский [11] и З. Тополинская [22]. Функционирование артиклевой системы в македонском литературном языке рассматривается в грамматических трудах Б. Конеского [9], Л. Миновой-Гюрковой [13], З. Тополинской [20], В. Фридмана [27], Р. П. Усиковой [23] и др.

В македонской грамматической традиции существуют два подхода к рассмотрению статуса постпозитивных членных морфем. Согласно первому, морфолого-синтаксическая категория определенности в македонском языке базируется на противопоставлении пространственно-маркированных членных морфем и общей определенности. Пространственно-маркированные членные морфемы делятся на показатели ближней и дальней определенности. Их назначение – указание на положение предмета в пространстве и выражение семантики определенности. Показатель общей определенности, по мнению исследователей, нейтрален по отношению к признаку «положение в пространстве», его роль – указание на известный, индивидуализированный предмет либо на родовое понятие. Тройной член – это уникальная особенность македонского литературного языка (см.: [7; 11; 13; 23]).

Согласно второй точке зрения, восходящей к мнению американского лингвиста Х. Ланта [14; 15; 20; 27; 29], членные морфемы *-ов*, *-он* – это не что иное, как энклитические формы демонстративов, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции с полными. Их значение ничем принципиально не отличается от семантики указательных местоимений. Особую функцию выполняет членная морфема *-ом*, и именно она является артиклем. Так, З. Тополинская полагает, что существующий в грамматической традиции термин «тройной член» не совсем удачен, поскольку из анализа современных текстов становится ясно, что «истинную» артиклевую функцию выполняет только элемент *-ом*, в то время как *-ов* и *-он* функционируют как клитики, образованные от соответствующих демонстративов, кроме того, они и семантически более насыщены – регулярно включают информацию о пространственной близости или удаленности референта от говорящего, т.е. отличаются от «полных» форм указательных местоимений только неспособностью иметь собственное ударение [21, с. 185].

В статье «Тројниот член: да или не» [22] исследовательница приводит ряд доводов, которые, по ее мнению, не позволяют считать пространственно-маркированные членные формы артиклями.

Аргументами для функционального разделения «кратких» форм демонстративов и «настоящего» члена послужила их роль при переводе виртуальных единиц языковой системы в речь. Как известно, основное назначение указательных местоимений в языке – это выполнение дейктической функции. Что же касается определенного артикля, то он используется либо для идентификации конкретного референта, обозначенного именной группой, либо для идентификации множества объектов (всех денотатов, составляющих объем понятия). В первом случае речь идет об индивидуализирующей функции артикля, во втором – о родовой.

Способы дейктического указания З. Тополинская подразделяет на два типа: дейксис актуальной ситуации, когда референт находится в поле зрения говорящего и слушающего, объединенных общим местом и временем, – *deixis in praesentia* (наглядный дейксис у К. Бюлера [4], первичный – у Ю. Д. Апресяна [1]); дейксис виртуальной ситуации, где моделируются отношения, характерные для первичного типа указания, – *deixis in absentia* (дейксис к воображаемому у К. Бюлера [4], вторичный – у Ю. Д. Апресяна [1]). Во втором случае между говорящим и слушающим отсутствует единство места и времени, такой тип указания проявляется при наррации. Особо выделяется анафорическое указание, поскольку оно направлено не на элементы реальной или воображаемой ситуации, в которой осуществляется речевой акт, а на элементы самого текста.

Рассмотрение контекстов функционирования полных и кратких указательных местоимений и членной морфемы позволяет автору выявить их дистрибуцию.

«Полные» указательные местоимения могут употребляться и для непосредственного пространственного указания, и в ситуации *deixis in absentia*, и для указания в пределах текста. Более сложные отношения существуют между членной морфемой и краткими формами указателей.

Членная морфема не используется в ситуации первичного указания – *deixis in praesentia*. Морфемы *-т* появляются при анафорической отсылке к предупомянутой информации (в наррации, в диалоге). В этом случае член является немаркированным средством выражения референции и находится в оппозиции с указательными местоимениями, которые в анафорической функции используются для подчеркивания идентифицирующего характера объекта [22, с. 19-20]:

(1) *Вчера пак ми се јави новиот пријател на Ана. Човеком / Тој човек се труди да одржува редовни контакти со сите нас.* / Вчера мне опять позвонил новый приятель Анны. Этот человек пытается поддерживать постоянные контакты со всеми нами.

Также артикль употребляется в широко понимаемой актуальной ситуации при отсутствии выбора, когда наблюдается лишь один объект. Например:

(2) *Отвори го прозорецот!* / Открой окно!

(3) *Затвори ја вратата!* / Закрой дверь!

(4) *Професорот уште не е дојден.* / Преподавателя пока нет. Указательное местоимение в этой ситуации возможно, если высказывание сопровождается дополнительной экспрессией, чаще всего семантикой нетерпения:

(5) *Отвори го тој прозорец, колку долго да те молам!* / Открой же наконец это окно, сколько тебя можно просить!

(6) *Ама тој ручек денеска никогаш нема да биде спремен!* / Нет, этот обед сегодня точно не будет готов!

В этом случае, как отмечает З. Тополинская, нельзя говорить о дейктическом употреблении именной группы, реальное присутствие обозначенного объекта в ситуации возможно, но не обязательно [Там же, с. 20].

Третья функция членной морфемы *-т* – указание на род объектов. Здесь, как полагает автор, невозможно употребление пространственных членных морфем [Там же].

Что же касается пространственных членных морфем *-ов*, *-он*, они употребляются в ситуациях *deixis in praesentia* и *deixis in absentia*:

– *-ов* в ситуации *deixis in praesentia* обозначает пространственную близость к говорящему или принадлежность ему:

(7) *Покажи му на писателов што имаме, овде си како дома.* / Покажи этому писателю, что у нас есть, ты же здесь как дома.

(8) *Ногава ме боли.* / Нога у меня болит;

– в ситуации *deixis in absentia* обозначает временную близость к говорящему, степень охваченности говорящего событием, процессом:

(9) *Нема излез од нашава криза.* / Нет выхода из нашего кризиса. Очевидно также, что *-ов* часто выступает не как средство идентификации, а как средство экспрессии, в этом случае он отличается не только от полных указательных местоимений, но и от нейтрального *-от* [Там же, с. 20-21]:

(10) *Скопјево не тоа што бееше!* / Наш Скопье уже не тот, что раньше;

– *-он* в ситуации *deixis in praesentia* обозначает относительную удаленность от говорящего:

(11) *Види го детено, цел ден плаче!* / Посмотри только на этого ребенка, целый день плачет!

– в ситуации *deixis in absentia* *-он* обозначает временную, эмоциональную, интеллектуальную отдаленность [Там же, с. 21]:

(12) *Народон кај нас не ги знае тие работи.* / Народ у нас не знает этого.

Таким образом, как полагает З. Тополинская, *-ов*, *-он* – это демонстративные клитики (подвижные аффиксы), которые от членной морфемы *-от* отличаются всегда присутствующей пространственной маркированностью (не важно, идет ли речь о реальном или о виртуальном пространстве). Член *-от* лишен настоящей дейктической функции, а также экспрессии. Это прагматический маркер референции, который помогает адресату в идентификации указанного объекта. От полных форм местоимений клитики отличаются безударностью, часто придают высказыванию экспрессивный оттенок: *-ов* – позитивный, *-он* – негативный. В последнее время *-ов* становится также маркером эмпатии [Там же, с. 23].

Как нам кажется, некоторые выводы З. Тополинской требуют уточнения.

В качестве первого случая рассмотрим использование артикля в ситуации первичного дейксиса. По нашим наблюдениям, *-от* может использоваться в контексте первичного дейксиса, т.е. выполнять дейктическую функцию, если у говорящего есть возможность выбора из трех предметов, или если референт находится в поле зрения адресата – непосредственного участника дейктической ситуации. В этом контексте у членной морфемы сохраняется первичное указательное значение, восходящее к местоимению *тој*, маркирующему сферу адресата. Еще Б. Конеский отмечал, что у *-от* ощущается нюанс пространственного отношения в подобной ситуации:

(13) *На ти ја книгава.* / Возьми ту книгу, что находится около меня.

(14) *Дај ми ја книга на.* / Ту, что мы видим оба, находится немного в стороне.

(15) *Дај ми ја книга та* [9, с. 229]. / Ту, что около тебя; которую ты держишь.

При этом дейктическая ситуация, на наш взгляд, не может рассматриваться отдельно от ее участников; говорящий, обозначая тот или иной объект, учитывает его положение не только относительно самого себя, но и относительно своего собеседника.

Так, в нижеследующем примере говорящий с помощью показателя *-ов* обозначает принадлежность к собственной сфере, а сфера собеседника маркируется показателем *-от*:

(16) *«Твое то кажуне во одново уво ми влегуе од друго во ми излегуе!»* [16, с. 41]. / «То, что ты мне говоришь, у меня в одно ухо влетает, а из другого вылетает!»

Что касается ситуации вторичного дейксиса, то достаточно сложно развести вторичный дейксис и анафору, поскольку при вторичном дейксисе происходит отрыв момента говорения от момента действия, а механизм связи временных пластов осуществляется с помощью анафорической отсылки. Примером дейктической референции, не связанной непосредственно с пространственно-временными параметрами высказывания, как полагает Б. А. Успенский, может служить указание на определенность упоминаемого объекта, выражаемое с помощью определенного артикля или указательных местоимений [24, с. 10]. Определенность объекта детерминирована точкой зрения говорящего на ситуацию. При этом определенный артикль, в отличие

от указательных местоимений, предполагает ориентацию на адресата, так как говорящий имеет в виду способность адресата идентифицировать референт, о котором идет речь.

Что касается употребления пространственных членных морфем в анафорической функции, то они, несомненно, используются гораздо реже из-за своей первичной указательной функции. В некоторых контекстах возможно их использование в анафорической функции, хотя стандартной нормой предписывается употребление *-от*.

В качестве примера анафорического употребления *-он* приведем отрывок из нарратива:

(17) «Еден Бугарин го прашал еден дервиш дали знаит бугарски. Дервишон, без да знаит, му се пофалил оти знаел да зборува на бугарски, ама и тоа што се пофалил на турци зборои му се пофалил на Бугарино» [25, с. 263]. / «Один болгарин спросил у дервиша, знает ли он болгарский. Дервиш, не зная болгарского, похвастался, что умеет говорить по-болгарски, но и то, что знает болгарский, он говорил болгарину по-турецки».

Помимо собственно анафорической функции, показатель определенности передает эмоционально-оценочное отношение говорящего к референту: иронию рассказчика по отношению к дервишу-знатоку болгарского.

Ниже следующий пример демонстрирует употребление *-ов* в анафорической функции в типовой ситуации:

(18) «Кога ќе дојдеа по невестата, по прикето, да го земет сето прикево, од кај зетот невеста табака полна дарој на невестата, таткото, мајката, братче, сестре, зетот дават по еден дар, во табаката, и редит и одет, е носет табаката кај невестата и го земет сето прике, а табаката останит кај невестата, тие се дарој за фамилијата од невестата» [19, с. 81]. / «Когда приходили за невестой, за приданым, чтобы забрать это самое приданое, то из дома жениха приносили поднос, полный подарков для невесты, ее отца, матери, брата, сестры; жених каждому вручает по подарку, обходит всех по очереди, подходит с подносом к невесте, забирает приданое, а поднос этот оставляет в доме этой нашей невесты как подарок для ее семьи».

Типовая ситуация в основе своей предполагает не конкретный референт, а некий обобщенный денотат, который указывает на типичного участника подобных повторяющихся ситуаций, знакомых обоим участникам коммуникации. В этом случае логично было бы ожидать бы ожидать использование *-от*, однако в тексте используется показатель ближнего дейксиса. Болгарская исследовательница Е. Каневска-Николова, анализируя подобные примеры в родопских говорах болгарского языка, отмечает, что в подобных случаях наблюдается интересное сочетание двух взаимоисключающих признаков «референтность» и «генерализация»; конкретный референт, который маркируется как ситуационно близкий, знакомый говорящему, обозначается как представитель обобщенного множества [6, с. 34]. Что касается использования показателя *-ов*, то тут, несомненно, присутствует отмеченное З. Тополинской сознание эмпатии (или эмотивной инклюзии), когда говорящий намеренно включает адресата в личное пространство и маркирует объект не просто как известный, а как известный им обоим и эмоционально близкий (см.: *эта наша (с тобой) невеста*) [22, с. 21].

По справедливому замечанию З. Тополинской [Там же], пространственные показатели часто используются не в своей первичной функции, а употребляются для выражения экспрессии: *-ов* – позитивной, *-он* – негативной. Вопрос же об экспрессивной функции *-от* также требует уточнения. Попадаются многочисленные контексты, где членная морфема *-от*, употребленная, например, с именем собственным (антропонимом или топонимом), которые в норме с артиклем не употребляются, передает экспрессивное значение. Ниже приведен пример с форума, где обсуждаются города Македонии:

(19) «Ретко се вртат Прилеп, дали 3-4 дена во месецот, а и тогаш се случува да не излезам, па не сум многу во тек... Последно што бев, беше во Табу и не беше лошо. Убава атмосфера, добро музиче, не многу гласно, немаше гужва да те изгазат, убави женски...»

Вирус откога знам, било и ќе остани најселячкото место, дали за денски да седниш на кафе/пиво или навечер да одиш на журка. Едноставно местото нема добар амбиент, грда декорација, грда музика пуштаат, најлошата услуга што постои на земјава, најголемите селяци се келнери таму...

Калипсо гледам сега шемава се префрли... убаво декорирано, отворен простор е па не е загушливо, или да има прегласна музика... ама тоа ти е, напрај една кадичка и наполнија со војца и доволно е да се истепаат кој попрв да влезе, чунки базент имало.

И то е во Прилепот наш отепан, нема многу-многу избор. Не дека нема кафичи, едноставно не знај рајава да се забавува» [28]. / «Я редко бываю в Прилепе, может быть, дня 3-4 в месяц, да и тогда бывает, что никуда не выхожу, так что я не особо в курсе. Последний раз был в “Табу”, там неплохо. Приятная атмосфера, хорошая музичка, не особо громкая, нет толпы, никто тебя не затопчет, девушки хорошенькие...»

“Вирус”, с тех пор как я его знаю, как был, так и остается самым простецким местом, и днем, когда присядешь там на кофе/пиво, и вечером, когда пойдешь на вечеринку. Обстановка там ужасная, дизайн уродский, музыку кошмарную включают, самое отвратительное обслуживание у нас в стране, но хуже всего официанты...»

“Калипсо”, как я погляжу, стало модным местом... Красивый дизайн, открытое помещение, не душно, музыку громко не включают. А всего и делов-то: поставь корыто, налей воды и народ прет, ах, дескать, там водоем есть...»

Ну и все, в нашем Прилепе задрипанном нет особо выбора-то. Не то чтобы кабаков не было, народ не умеет культурно отдыхать».

Собственно артиклевой считается родовая функция, в этом случае, как отмечается во всех грамматических исследованиях, используется только членная морфема *-от*. Однако как мы могли наблюдать из анализа типовой ситуации, в этом случае возможно использование и пространственно-маркированных показателей. Как правило, они сопровождаются экспрессивным отношением говорящего к предмету речи.

В следующем примере используется членная морфема *-он* в родовой функции, однако при этом сохраняется первичная семантика дистанцированности: говорящий явно осуждает рыбаков, занимающихся бесконтрольной ловлей рыбы в озере:

(20) *«Или ќе дојдеме од на работа, ќе ни дадеја по две-три риби, една задржи за дома, другите продавај ги. И то да и молиш тие трговците да и земет. Ко ќе донесеа риби, седум динари, шес динари... а преку лето ќе имаше гости – двајс динари. Оди цел ден таргај, пет кила, шес кила риба кој ќе фатеше. Не ко сега, сета риба ја исфатифме. Државава нема контрола на рибариве, на езерото. И ко ќе беше блинкерот, требаше четири риби да се фатет, тие фашича по десет, петнаесет, кој како, без контрола. Рибарон да фатит десет кила, три кила ќе однесит на рибарница и од кај знајт овај, нема финансова контрола»* [19, с. 101]. / «И вот когда приходили с работы, нам давали по две-три рыбины, одну дома оставь, другие продавай. И то спрашиваешь этих торговцев их взять. Когда приносили рыбу, семь денаров, шесть денаров..., а летом, когда наезжали туристы – двадцать денаров. Иди и торгуй весь день, если поймашь пять-шесть килограммов. Не то что сейчас, всю рыбу повыловили. Наше государство не контролирует ни рыбаков, ни озеро. И когда на блесну разрешалось четыре рыбины поймать, они ловили по десять-пятнадцать килограмм, кто сколько, без контроля. Рыбак поймает десять кило, а только три отнесет в рыбную лавку, а откуда они про улов могут знать, нет финансового контроля».

Еще один фактор, свидетельствующий, на наш взгляд, об артиклевом статусе пространственных членных форм, – это совместное употребление указательного местоимения и членной морфемы в одной именной синтагме, характерное для современной разговорной речи. Удвоение демонстративов в балканских языках Г. А. Цыхун рассматривал как балканскую инновацию. Центром ее, по мнению ученого, является восточная часть балканославянского ареала [26, с. 118]. По данным Г. А. Цыхуна, такого типа конструкции известны по всей территории употребления членных форм, особенно часто они встречаются в говорах, сохраняющих троичную систему указательных местоимений, соотносимую с троичной системой артикля. Однако нигде в балканославянском ареале это явление не имеет регулярного характера, потому что «<...> сохраняющаяся между членом и соответствующими указательными местоимениями определенная связь, базирующаяся на их генетической общности, во многих случаях препятствует их совместному употреблению при одном определяемом слове. Это вызвано тем, что в значительной своей части функции указательного местоимения и члена совпадают, что делает излишним их дублирование, если оно не несет дополнительной, чаще всего эмфатической, нагрузки. Ослабление демонстративной функции члена, сопровождающее его грамматикализацию, ведет к тому, что возникает необходимость совместного употребления указательного местоимения и члена. Еще А. Белич [2, с. 447], отмечая в говорах южной Сербии конструкции типа *ов^бај кметав, тија пашата*, объяснял их потребностью подкрепить ослабленное демонстративное значение члена» [Там же, с. 116]. В данном случае происходит перераспределение функций систем указательных местоимений и членных форм (указательная функция члена вытесняется чисто артиклевыми). Встречаются также случаи, когда происходит перераспределение функций внутри артиклевой системы, тогда возможно нанизывание членных форм на одно слово: «...и ќе појт стројникот кеј татка је од момичкатава» [Цит. по: Там же, с. 116]. / «...и зашлют сватов к отцу той самой девушки».

Сочетание демонстративов возможно в следующих комбинациях: *тој ... -от, овој ... -ов, оној ... -он, овој ... -от, оној ... -от*. Чаще всего сочетаются указательные местоимения и членные формы, образованные от одного корня. Возможно использование пространственно-окрашенного местоимения с нейтральной членной формой. Указательное местоимение, входящее в состав подобных именных синтагм, по мнению исследователей, должно быть семантически «богаче», чем артикль, поэтому невозможны композиты *тој ... -ов, тој ... -он* (см., например: [9, с. 231; 20, с. 129]):

(21) *«Јас му велам на оној старион, нешто мици-мици, знаеш де, оној институцијана (общ.р.), дека моите песни се нешто поинакво»* [18, с. 28]. / «Я и говорю тому-то старику как бы между делом, да знаешь ты его, ну этот, человек-институция (могущественный – Н. Б.), что мои стихи – это нечто другое».

(22) *«Некои, оние најдрските, дури не ме перцепираат како самостојна личност. Јас сум за нив само инвентар на музејот»* [8, с. 26]. / «Некоторые, а именно самые дерзкие, даже и не воспринимают меня как самостоятельную личность. Я для них просто музейный инвентар».

Возможны, хотя и довольно редко, иные комбинации. Так, в нижеследующем примере показатель проксимальности сочетается с показателем дистальности (*овој ... -он*), что доказывает, что в семантике артикля происходит постепенное стирание первичного демонстративного значения:

(23) *«Децата се смеат. Ете, и Коле се смее, иако ни тој не знае зошто им паѓаат лисјата на дрвјата. А чичко Санде, брза незабележано да се изгуби, да се спаси и тој да одговара, па во умот си вели: “Овој мојон, секако и годинава ќе падне, што не знае ни лисјата зошто паѓаат. Што би правел тој да го праашат зошто паѓаат свездите, на пример. А знам, таа тиква знае зошто паѓаат зрелите круши...”»* [17, с. 37]. / «Дети смеются. Вот и Коле смеется, хотя и он не знает, почему облетают листья с деревьев. А дядя Санде торопится как можно незаметнее скрыться из виду, чтобы не отвечать на их расспросы, бормоча про себя: “И этот мой-то (Коле) непременно и в этом году провалится (на экзамене), раз не знает, почему листья падают. Что бы он делал, если бы, например, его спросили, почему падают звезды? А я знаю, эта башка знает, почему падают зрелые груши...”»

Подробнее о вопросе двойной определенности в македонском см.: [3].

Таким образом, едва ли можно говорить о том, что пространственные членные формы – это лишь краткие формы полных демонстративов, отличающиеся от них отсутствием ударения. Использование их

в анафорической и в родовой функциях (а указательные местоимения в последнем случае невозможны), где происходит сочетание семантики определенности и указательности, характерное для этих показателей, позволяет говорить об их артиклевом статусе. Что касается двойноопределенных синтагм, то это случай, где «стирается» собственно пространственное значение членных форм, а на первое место выходит сема определенности. Особого внимания требуют региональные варианты македонского языка, в узуальном употреблении которых наблюдается экспансия употребления тех или иных пространственных членных форм.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М.: Пик ВИНТИ, 1986. Вып. 28. С. 272-298.
2. **Белић А.** Дијалекте Источне и Јужне Србије: српски дијалектолошки зборник. Београд, 1905. Т. I.
3. **Боронникова Н. В.** Проблема «двойной определенности» в современном македонском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 58-68.
4. **Бюлер К.** Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
5. **Видоски Б.** Формите на членот (инвентар и дистрибуција) // Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје: МАНУ, 1999. Т. 3. С. 189-199.
6. **Каневска-Николова Е.** Тройното членување в родопските говори. Пловдив, 2006. 216 с.
7. **Кепески К.** Македонска граматика. Скопје: Државно Книгоиздателство на Македонија, 1946. 78 с.
8. **Колбе К. Б.** Снегот во Казабланка. Битола: НИД «Микена», 2008. 366 с.
9. **Конески Б.** Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. Дел I-II. 552 с.
10. **Конески Б.** Историја на македонскиот јазик. Скопје – Белград: Кочо Рацин; Просвета, 1965. 103 с.
11. **Конески Б.** Тройниот член // Македонски јазик. Скопје, 1957. Година VIII. Кн. 1. С. 26-28.
12. **Магомедова С. О.** Морфологически и лексически уравни выражения пространственного значения в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-93.
13. **Минова-Ѓуркова Л.** Синтакса на македонскиот стандартен јазик. Скопје: Магор, 1994. 308 с.
14. **Миркуловска М.** Изразување на определеноста во балкански контекст // Балканска слика на светот: зборник од Меѓународната научна работилница одржана во Скопје на 5-6 декември 2005 година / прир. К. Ќулавкова. Скопје, 2006. С. 473-484.
15. **Панчевска А.** Просторна информација изразена со заменики и членски морфеме // Славистички студии. Скопје, 2002. Бр. 10. С. 317-327.
16. **Плавевски В.** Последниот сплавар на Вардар. Скопје: Македонска реч, 2010. 249 с.
17. **Смаќоски Б.** Големи и мали // Романи за деца / избор, предговор, редакција и белешки С. Христова-Јоциќ. Битола: Микена, 2008. С. 3-50.
18. **Станковиќ С.** Тренирани сништа. Битола: Мисирков, 1987. 69 с.
19. **Така се зборува во Охрид** / прир. Л. Гушевска и Л. Минова-Ѓуркова. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески»; Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици, 1999. 196 с.
20. **Тополињска З.** Граматика на именската фраза во македонскиот литературен јазик. Род, број, посоченост. Скопје: МАНУ, 1974. 156 с.
21. **Тополињска З.** Полско-македонски: граматичка конфронтација. Скопје: МАНУ, 2008. Т. 8. Развитие на граматичките категории. 222 с.
22. **Тополињска З.** Тройниот член: да или не // Зборникот предавања на XXXIX меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј»; Семинар за македонски јазик, литература и култура, 2007. С. 15-25.
23. **Усикова Р. П.** Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.
24. **Успенский Б. А.** Дейксис и вторичный семизис в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 3-30.
25. **Цепенков М.** Дервишо и Бугарино // Цепенков М. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. Кн. 4. С. 260-265.
26. **Цыхун Г. А.** Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981. 230 с.
27. **Friedman V.** Macedonian [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seelrc.org:8080/grammar/mainframe.jsp?nLanguage=3> (дата обращения: 03.09.2014).
28. <http://forum.kajgana.com/threads/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%BF-%D0%B8-%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BE%D0%B2%D0%BE.320/page-28> (дата обращения: 10.09.2014).
29. **Lant G. H.** Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje: Државно Книгоиздателство на НР Македонија, 1952. 302 p.

STATUS OF TERNARY ARTICLE IN THE MACEDONIAN LANGUAGE

Boronnikova Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Perm State National Research University
natboronnikova@rambler.ru

This article presents two approaches to the status of the ternary definite article in the Macedonian grammar. According to the first point of view the spatial articles (-в, -н) are weak forms of demonstrative pronouns. These weak forms have demonstrative functions but only -т presents the article function. According to the second point of view the Macedonian language has the unique system of the definite article where the main categorical meaning of definiteness combines with the demonstrative meaning. The author of the article supports the second point of view.

Keywords and phrases: the Macedonian language; system of indicators; ternary article; deictic situation; article function.